

DOI: 10.22363/2618-897X-2026-23-2-259-271

EDN: JMLHWP

Научная статья / Research article

Послелогои и предлоги в нердвинском диалекте коми-пермяцкого языка: структурные и функционально-семантические аспекты

А.С. Лобанова¹, А.В. Михайлова²¹Пермский федеральный исследовательский центр Уральского отделения РАН

Пермь, Российская Федерация,

²Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, Пермь, Российская Федерацияlobanova@pspu.ru

Аннотация. Авторами проанализированы структурные и функционально-семантические аспекты отдельных послелогов нердвинского диалекта, относящегося к южному наречию коми-пермяцкого языка; рассмотрены заимствованные предложные конструкции, активно встречающиеся в речи носителей обозначенного ареала. Нердвинский диалект является периферийным диалектом, занимает южную часть Коми-Пермяцкого округа; длительная территориальная близость к русским говорам является важнейшей причиной высокой степени различных заимствований. Актуальность исследования определяется недостаточной изученностью диалекта. В коми-пермяцкой диалектологии нет специальных работ, отражающих степень сохранения исконных грамматических парадигм и уровень употребления в говорах чужеродных языковых элементов. Современные данные нердвинского диалекта позволяют выполнить такой анализ на материале использования в речи исконных послелогов и заимствованных предлогов. Цель исследования — анализ структурных и лексико-грамматических форм послелогов нердвинского диалекта, выявление способов употребления русских предлогов при общении на родном языке. Материалами послужили полевые записи, собранные авторами в период с 2024 по 2025 г. на территории распространения названного диалекта. Использовались методы синхронического анализа диалектного материала, фонетического и морфологического анализа слова. Послеложная система диалекта характеризуется разрушением серийного послелога с основой на **выл-** и его переходом в падежный формант (*ы-блын* < *ыб вылын* «на поле»; *ы-блӧдз* < *ыб вылӧдз* «до поля» и др.). Ряд одиночных послелогов стремится иметь в своем составе дополнительные форманты (*сы код'ӧм* вм. *сы код'*, *сы код'а* вм. *сы код'*, *сы код'ӧма* вм. *сы код'* «как он (она)»). Семантика дополнительных показателей близка к словообразовательным суффиксам знаменательных частей речи. Влияние русского языка приводит к осязаемым изменениям на уровне грамматики: в речи носителей диалекта зафиксировано *частое употребление русских предлогов* вместо ожидаемых исконных послелогов или соответствующих в семантическом плане падежных форм: *чэ-рэз мы-р-то чапка-лӧ* «через пни-то бросает»; *сэ-кс'ин' до крещэ-н'ийа* в зн. «с того времени до Крещения» и др. Наблюдается заимствование целой предложной конструкции с сохранением исходных грамматических форм падежа, рода, числа. Материалы нердвинского диалекта демонстрируют как общие тенденции коми-пермяцких диалектов, так и индивидуальные признаки ареала в области употребления послелогов и русских предлогов.

© Лобанова А.С., Михайлова А.В., 2026

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Ключевые слова: коми-пермяцкий язык, нердвинский диалект, послелог, предлог, адаптация, русский язык

История статьи: поступила в редакцию 11.02.2026; принята к печати 10.04.2026.

Вклад авторов: *Михайлова А.В.* — сбор и обработка материалов, связанных с историей изучения диалекта, а также раздела «Предлоги в речи носителей нердвинского диалекта»; *Лобанова А.С.* — концепция исследования, обработка материалов и написание текста по другим разделам статьи. Оба автора ознакомлены с окончательной версией статьи и одобрили ее.

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование выполнено в рамках гранта РНФ № 24-18-20015 «Коми-пермяки в этнокультурном пространстве Прикамья».

Для цитирования: *Лобанова А.С., Михайлова А.В.* Послелог и предлоги в нердвинском диалекте коми-пермяцкого языка: структурные и функционально-семантические аспекты // Полилингвистичность и транскультурные практики. 2026. Т. 23. № 2. С. 259–271. <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2026-23-2-259-271> EDN: JMLHWP

Postpositions and Prepositions in the Nerdvinsky Dialect of the Komi-Perm Language: Structural and Functional-Semantic Aspects

Alevtina S. Lobanova¹✉, Anastasiia V. Mikhailova²

¹Perm Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Science,
Perm, Russian Federation

²Perm State Humanitarian Pedagogical University, Perm, Russian Federation
✉lobanova@pspu.ru

Abstract. This paper examines the structural and functional-semantic aspects of specific postpositions in the Nerdvinsky dialect, which belongs to the southern dialect group of the Komi-Perm language. It also highlights borrowed prepositional constructions that are actively used by speakers in this area. The Nerdvinsky dialect is a peripheral dialect located in the southern part of the Komi-Perm Okrug. Prolonged geographical proximity to Russian vernaculars is the primary reason for the high degree of various borrowings. The relevance of the study is determined by the dialect's underrepresentation in linguistic research. Komi-Perm dialectology lacks specialized studies that assess the preservation of native grammatical paradigms and the extent of usage of foreign linguistic elements in local vernaculars. Contemporary data from the Nerdvinsky dialect enable such an analysis based on the use of native postpositions and borrowed prepositions in speech. The aim of the research is to analyze the structural and lexico-grammatical forms of postpositions in the Nerdvinsky dialect and to identify the patterns of Russian preposition usage in native-language communication. The materials comprise field recordings collected by the authors between 2024 and 2025 within the dialect's geographical area. The primary research methods involved synchronous analysis of dialect material, as well as phonetic and morphological word analysis. The postpositional system of the dialect is characterized by the disintegration of the serial postposition with the stem *выл-* [vyl-] and its transition into a case marker, cf.: *ы-блын* < *ыб вылын* [y·blyn < yb vylyn] (meaning 'in the field'); *ы-блөдз* < *ыб вылөдз* [y·blödз < yb vylödз] (meaning 'up to the field'). A number of simple postpositions tend to incorporate additional formants, cf.: *сы код'өм* vs. *сы код'* [sy kod'öm vs. sy kod'], *сы код'а* vs. *сы код'* [sy kod'a vs. sy kod'], *сы код'өма* vs. *сы код'* [sy kod'öma vs. sy kod']. All examples have the same meaning 'as he/she (does)'. The semantics of these additional markers is akin to that of derivational suffixes found in content words. The influence of Russian leads to

palpable changes at the grammatical level. In speakers' speech, Russian prepositions are frequently used instead of the expected native postpositions or semantically corresponding case forms, e.g.: *чэ·рэз мы·р-то чапка·лӧ* [che·rez myr-to chapka·lõ] (meaning '(he/she) throws (smth.) over the stumps'); *сэ·кс'ин' до крэчэ·н'ийа* [se·ks'in' do kreche·n'ija] (meaning 'from that time until Epiphany'). The borrowing of entire prepositional constructions is observed, preserving the original grammatical forms of case, gender, and number. The data from the Nerdvinsky dialect reveal both general trends characteristic of Komi-Perm dialects and unique features of this specific area regarding the use of postpositions and Russian prepositions.

Keywords: Komi-Perm language, Nerdvinsky dialect, postposition, preposition, adaptation, Russian language

Article history: received 11.02.2026; accepted 10.04.2026.

Authors' contribution: *Mikhailova A.V.* — collection and processing of materials related to the history of the study of the dialect, as well as the section "Prepositions in the speech of Nerdvinsky dialect speakers;" *Lobanova A.S.* — research concept, processing of materials, and writing of the text for the other sections of the article. Both of the authors read and approved the final version of the article.

Conflict of interest: the authors declare that there is no conflicts of interest.

Funding. The research was carried out within the framework of RSF grant No. 24-18-20015 "Komi-Perm People in the Ethnocultural Space of the Kama Region."

For citation: Lobanova, A.S., and A.V. Mikhailova. 2026. "Postpositions and Prepositions in the Nerdvinsky Dialect of the Komi-Perm Language: Structural and Functional-Semantic Aspects." *Polylinguality and Transcultural Practices*, 23 (2), 259–271. <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2026-23-2-259-271> EDN: JMLHWP

Введение

Нердвинский диалект относится к южному наречию коми-пермяцкого языка, в территориальном плане занимает южную часть Коми-Пермяцкого округа. По чередованию звуков [в] и [л], важнейшему критерию классификации коми диалектов, является *эловым* диалектом.

Во второй половине XIX в. эти места, судя по всему, уже были периферийными, южными территориями, на которых еще активно функционировал язык пермяков. Н.А. Рогов на страницах своей лексикографической работы «Пермяцко-русский и русско-пермяцкий словарь, составленный Николаемъ Роговымъ» (1869)¹ фонетические варианты лексем со звуком *л* обозначал пометой *ю.* (южный). Полагаем, что понятие «южный» и является для исследуемого диалекта первым обозначением.

Впервые компонент «нердвинский» появился в работах диалектологов только во второй половине XX столетия. В работе В.И. Лыткина «Диалектологическая хрестоматия по пермским языкам» (1955) при описании говоров коми-пермяцкого языка отмечено: «...в составе южной диалектной группы можно выделить следующие говоры: оньковский, нижнеиньвенский, нерд-

¹ *Рогов Н.А.* Пермяцко-русский и русско-пермяцкий словарь, составленный Николаемъ Роговымъ. С.-Петербургъ, 1869.

винский и кудымкарско-иньвенский»². Это же мнение отражено им и на страницах вузовского учебника «Коми-пермяцкий язык»³.

Отдельные сведения по нердвинскому диалекту приводятся в ряде работ Р.М. Баталовой [1–4] и А.С. Кривошековой-Гантман⁴. Последние данные представлены в научных статьях С.А. Сажинной [5; 6].

До недавнего времени диалект не особо привлекал к себе внимание со стороны специалистов, хотя время от времени в немногочисленных публикациях по нему появлялись отдельные сведения. Нердвинский диалект остается единственным диалектом коми-пермяцкого языка, материалы которого пока так и не нашли комплексного исследования.

К настоящему времени есть необходимость в систематизированном его освещении. Поскольку диалект в силу незначительного количества носителей относится к числу исчезающих диалектов коми-пермяцкого языка, Пермским федеральным исследовательским центром УрО РАН разработан большой проект, связанный со сбором диалектного материала и его анализом. В ближайшее время по данному ареалу появится монография-хрестоматия со звуковым сопровождением. Это первая исследовательская работа, которая помимо комплексного, лексико-грамматического анализа будет сопровождаться диалектной речью. Зафиксированная в полевых условиях речь носителей нердвинского диалекта станет общедоступной, к ней также будут приложены транскрибированные тексты.

Считаем, что недостаточная изученность диалекта составляет *актуальность исследования*. Незначительное количество активных носителей диалекта (по приблизительным подсчетам, их не более 200 человек. — А.Л., А.М.) также является дополнительным поводом для всестороннего изучения языка данного ареала.

Нердвинский диалект распространен на территории ряда небольших деревень: Пятина, Иванкова, Сидорова, Якина, Подгора и др. Ленинского сельского поселения Кудымкарского муниципального округа Коми-Пермяцкого округа. До окружного центра — города Кудымкара — около тридцати километров; до соседнего кудымкарско-иньвенского диалекта — не более пятнадцати километров.

В территориальном плане диалект довольно компактен: расстояние между населенными пунктами составляет от одного до семи-восьми километров. Языком владеют люди старшего возраста.

² Лыткин В.И. Диалектологическая хрестоматия по пермским языкам. Москва, 1955. С. 26.

³ Коми-пермяцкий язык. Введение, лексика, фонетика и морфология : учебник для высших учебных заведений / под ред. и при соавторстве В.И. Лыткина. Кудымкар : Коми-Пермяцкое книжное издательство, 1962. С. 29.

⁴ Коми-пермяцкие говоры : учебное пособие / авт.-сост.: А.С. Кривошекова-Гантман, Л.П. Ратегова. Пермь, 1980.

Значительная часть территории продолжительное время граничит с русскоговорящим населением. Социально-экономические связи, межнациональные браки, длительное совместное и близкое проживание представителей двух языков отразились на языковой специфике данного региона: диалект испытывает существенное влияние со стороны русского языка.

В этом аспекте существует необходимость в выявлении степени сохранения исконных грамматических парадигм и в реализации носителями диалекта чужеродных языковых элементов. Напомним, что восприятие несвойственных родному языку явлений, как правило, сопровождается различными адаптациями, которые легко объясняются спецификой принимающего языка.

Собранный богатый полевой материал по нердвинскому диалекту в таком сравнительно-сопоставительном плане позволит рассмотреть особенности функционирования таких служебных слов, как послелого, и обратить внимание на активное использование при общении на родном языке чужих элементов — предлогов.

Допускаем, что подобная ситуация — одновременное функционирование исконных и чужеродных грамматических элементов — может коснуться и других коми-пермяцких диалектов.

Напомним, что послелого, как служебная единица (наряду с развитой падежной системой), являются важнейшей частью языка при обозначении различных пространственных, причинно-целевых, временных и других отношений. Возникшие в глубокой древности (их формирование относят как минимум к общепермскому периоду), они заняли в языке очень значимую нишу и сегодня способны реализовать многие смысловые и грамматические нюансы. Среди послелогов практически нет заимствованных лексем. Своей семантикой, структурой, происхождением они обязаны языку-источнику.

Предлоги совершенно не характерны для большинства финно-угорских языков. Освоение данной служебной единицы представляется довольно сложным процессом: при переходе на русский язык в устной речи предлоги часто подвергаются выпадению [8]. Тем не менее носители нердвинского диалекта довольно активно употребляют русские предлоги даже при общении на родном языке. В следующей части статьи попытаемся выявить особенности употребления исконных послелогов и определить причины активного использования несвойственных грамматическому строю коми-пермяцкого языка предлогов.

Обсуждение

Послелого в речи носителей нердвинского диалекта

Значительный функционально-семантический потенциал послелогов, сложившиеся к настоящему времени способы их образования (чаще всего своим происхождением они обязаны именам существительным и наречиям), структурные особенности послелогов (так называемые серийные послелого и с

падежными и иными словоизменительными показателями и одиночные послелого, с отсутствующим словоизменительным компонентом) — все эти обозначенные смысловые и грамматические признаки закреплены за названным служебным словом. Исторически сформировавшиеся признаки послелога чаще всего и не допускают чужих лексико-грамматических явлений из другого языка.

Относительно новым грамматическим веянием в финно-угроведении считают переход послелогов в новые падежные показатели [8. С. 32–35]. Однако и он не является чужеродным явлением — этот переход характерен для большинства финно-угорских языков. Заметим, что этот процесс занимает продолжительное время и осуществляется через обязательные этапы. В силу разных причин: из-за устранения паузы между знаменательным словом и служебной частью в послеложном выражении, из-за потери послелогом самостоятельного ударения наблюдается увеличение количества падежей за счет трансформации так называемых серийных послелогов.

В коми-пермяцких диалектах разрушению подвергаются два серийных послелога: послелог с основой на *выл-* (от существительного *выл* (*выв*) «поверхность, верхняя часть») и с основой на *дын-* (от существительного *дын* в зн. «место около чего-нибудь»). Решающей причиной разрушения послелога с основой на *выл-* и его перехода в падежные показатели является качество (свойство) употребления звуков [в] и [л]. Вот почему в так называемых вэовых диалектах процесс трансформации происходит через одну схему, а в эловых диалектах — через другую.

Диалектный материал нердвинского ареала по употреблению различных форм послелогов демонстрирует интересные грамматические формы, которые свойственны практически всем коми-пермяцким диалектам, но в имеющихся научных изысканиях они или совсем не отражаются, или приводятся без необходимых комментариев. В связи с этим повышается актуальность предложенного исследования, поскольку в научный оборот вводятся общеизвестные, но не описанные диалектные факты. Считаем, что размышления, связанные с употреблением послелогов в нердвинском диалекте коми-пермяцкого языка, будут полезными для исследователей по другим финно-угорским языкам.

Послелог в нердвинском диалекте коми-пермяцкого языка, на первый взгляд, представлены привычными в семантическом и структурном плане вариантами. Лексически новых слов диалектные материалы не демонстрируют.

При фиксации полевого материала по нердвинскому диалекту и при его последующем анализе мы допускали наличие различных грамматических форм у так называемых серийных послелогов. Также ожидали выявить в составе одиночных послелогов отдельные форманты-маркеры, поскольку подобная непривычная структура наблюдается в других коми-пермяцких диалектах. Однако только при их анализе пришли к выводу, что дополнительные показатели в составе одиночных послелогов содержат признаки словообразо-

вания знаменательных частей речи. Добавим, что на внешнюю структуру коми-пермяцкого слова всегда влияют фонетические процессы. Эта ситуация также проявляется в примерах с послелогоми.

Рассмотреть всю послеложную систему диалекта в одной статье не представляется возможным, поэтому остановимся на двух, на наш взгляд, наиболее важных позициях:

1) переходе серийного послелога с основой на *выл-* в падежные показатели;

2) наличии словообразовательных компонентов в составе одиночных послелогов.

*Послелог с основой на *выл-* в нердвинском диалекте*

В исследуемом диалекте на современном этапе происходит активный переход серийного послелога с основой на *выл-* в падежную форму. Полевой материал демонстрирует как полные формы, так и промежуточные варианты и окончательно установившиеся уже новые падежные показатели, серию которых принято называть *внешнеместными падежами*. Одновременное использование нескольких форм обозначенного послелога сегодня характерно и для диалектов северного наречия коми-пермяцкого языка: кочевского, косинско-камского, мысовского и верх-лупьинского диалектов. На соседних с нердвинским диалектом южных территориях, в так называемых взовых диалектах — кудымкарско-иньвенском и нижнеиньвенском — процесс перехода послелога с основой на *выл-* (в взовых диалектах *вылв-*) в падежный показатель завершился еще во второй половине прошлого столетия. В силу фонетических особенностей взовых диалектов данный процесс в них прошел раньше и быстрее. В эловых диалектах внешнеместные падежи формируются более медленными темпами.

Остановимся на конкретных примерах. Полные формы названного служебного слова в речи встречаются уже довольно редко. Например: *мы-йкõ тай мыс вылõ кату-шка кэ-расõ* в зн. «что-то вот на горе катушку сделают». В этом контексте послеложное сочетание *мыс вылõ* (букв. «в гору») представлено полной формой серийного послелога: корень *выл* + суффикс вступительного падежа *-õ*. *Кэ-рõнõ ма-скаэз йурс'и- вылõ, вот э-ччõ, ву-джджэзлас, штоб укрэпл'а-лос'* «Делают маски на волосы, вот сюда, на корни, чтоб укреплялось». В приведенном выражении — одно послеложное сочетание *йурс'и- вылõ* «на волосы» и одна форма внешнеместного вступительного падежа *ву-джджэзлас* (ср. лит. *вуужезз вылас*) «на корни». Фономорфологические изменения в данном выражении прошли через следующие этапы: *ву-джджэз вылас* > *ву-джджэз ылас* > *ву-джджэзлас* (*выл-а-с* > *ыл-а-с* > *л-а-с*). По такому принципу происходят все переходы послелога с основой на *выл-* в падежный показатель. Данные примеры подтверждают тот факт, что для носителя диалекта не является важным, в какой грамматической форме он использует послелог в

речи. В одной фразе могут встретиться различные по своей структуре послелого с этой основой.

Промежуточный этап перехода послелого в падежный формат наблюдается в следующих примерах: *пол-лка ылас* (ср. лит. *полка вылас*) *эм* «на полке есть (имеется)»; *пõл ылас* (ср. лит. *põv вылас*) *кы-кõн-куи-мõн султасõ* «на доску вдвоем-втроем встанут» и др. Наличие таких форм, когда выпадению подвергается первый звук послелого *в*, доказывает, как происходит изменение служебного слова в падежный формант: *вылын* > *ылын* > *лын*. Об этом же писала Р.М. Баталова, когда характеризовала подобные процессы в северных диалектах коми-пермяцкого языка: «имеет место выпадение начального звука *в*, а затем уже сокращение количества слогов» [2. С. 136]. Выявить фонетическую зависимость, способную повлиять на выпадение первого звука послелого, не представляется возможным: рядом с основой знаменательного слова и на гласный звук, и на согласный могут оказаться как полные послелого, так и их усеченные формы, а может быть, и окончательно уже сформировавшаяся падежная форма.

Современные диалектные материалы исследуемого ареала в большинстве своем демонстрируют уже сформированные новые формы слов, возникшие из послеложного сочетания: знаменательное слово + серийный послелог с основой на *выл-*. Приведем примеры: *о-джджык вил' моги-лкалас* (ср. лит. *могилка вылас*), *свэ-жõйлас* (ср. лит. *свежõй вылас*) *пу-кс'асõ чи-сто* «раньше на могилку, на свежую, все сядут»; *му-на фэ-рмалас* (ср. лит. *ферма вылас*), *дак эд мый дырна- а-бу* «уйду на ферму, так ведь как долго меня нет» и др.

Опираясь на полевые материалы, можно утверждать, что процессы перехода послелого с основой на *выл-* в падежные формы — объективная реальность, коснувшаяся всех диалектов коми-пермяцкого языка, в том числе и нердвинского. Разница лишь в том, что в разных диалектах процесс перехода послелого в падежный формант идет неравномерно: в взовых диалектах он уже завершился, в эловых диалектах употребительны еще все формы: от полной формы употребления послелого, его усеченной формы до установившегося нового падежного форманта.

Послелог кодъ «как, подобно» в нердвинском диалекте

В силу своих структурных особенностей одиночный послелог *кодъ* «как, подобно» не должен иметь в своем составе дополнительных компонентов, им не присущи словоизменительные форманты, как серийным послелогам. Однако в исследуемом диалекте данный послелог имеет в своем составе дополнительные маркеры, которые представляют довольно интересную в плане семантики и структуры картину. Системного анализа на широком диалектном поле этих показателей до сих пор не было. Надеемся, что приведенный здесь материал и размышления помогут в следующих изысканиях предложить более объективную картину. Итак, одиночный послелог *код'* «как, подобно»,

который своим происхождением обязан еще допермскому периоду⁵, в нердвинском диалекте встречается в следующих формах: *код'*, *ко-д'ом*, *ко-д'а* и *ко-д'ома*.

Непроизводный послелог *код'* «как, подобно» в плане значения и структуры совпадает с литературным вариантом: *ко-с'тõм пис'т'и-кõ ма-с'тан, дак си-а пис' код' ло-о* «высушенный хвощ измельчишь, так он как мука становится».

Форма *ко-д'ом* «как, подобно» в функциональном аспекте является наиболее употребительной. Примеры с послелогом *ко-д'ом*: *то-жо ва- код'ом* (ср. лит. *кодъ*) *мы-йкõ* «тоже что-то как вода»; *мэ вõ-ли о-с'та õ-м код'ом* (ср. лит. *кодъ*) букв. «я была как с открытым ртом» (в зн. «рассеянная») и др. В этих контекстах довольно четко проявляется наличие какого-либо признака. В следующем контексте в составе послелога имеется не только суффикс причастия *-õм*, но и суффикс множественного числа *-õс'*, характерный для имен прилагательных и причастий: *вэ-рхн'õй од'э-ждаыс, то-жо э-тõ, ву-рõмõс', кон'э-шно, н'э õ-ниа код'õ-мõс' вõ-лисõ* в зн. «верхняя одежда тоже сшитая, конечно, не как современная (одежда) была». Хотя в исследовательских работах по коми-пермяцким диалектам нам не удалось обнаружить данные формы, но смеем утверждать, что сравнительный послелог в форме *ко-д'ом* в речи коми-пермяков на других территориях тоже встречается.

Не меньше контекстов в нашем распоряжении и с послелогом *ко-д'а* «как, подобно». Примеры с послелогом *ко-д'а*: *мы-йкõ ва-ыс кыдз йõ-л код'а* (лит. *моз*) *визы-лтõ* «что-то вода как молоко течёт»; *ма-мõ код'а* (лит. *моз*) *стара-ччи кэ-рны* «как мама старалась делать» и др. Данная форма активна и в других диалектах коми-пермяцкого языка, встречается даже на страницах художественных текстов.

Семантически близка к *ко-д'а* и форма *ко-д'ома* «как, подобно». Последняя зафиксирована лишь в одиночных примерах: *н'ан' кõ-тан да страпа-йтан ма-мõ код'ома* «тесто намесишь и стряпаешь как мама»; *ворожиччы-лисõ тай мы-йкõ, кл'у-ччэс дорын õнджа- код'ома пу-кс'асõ да ворожи-ччõны* «гадали вот что-то, около родника как-то сядут да гадают» и др. Послелог в форме *ко-д'ома* «как, подобно» характерен и для других диалектов коми-пермяцкого языка. Однако в научных источниках он до настоящего времени не представлен.

Форманты *-õм* и *-а* в составе данного послелога семантически очень близки к причастному суффиксу *-õм* (в контексте послеложные сочетания требуют к себе вопрос *какой*) и словообразовательному суффиксу наречий *-а* (к этим послеложным сочетаниям необходим вопрос *как*). Получается, что добавочные форманты в составе одиночного послелога *код'* «как, подобно» появляются не хаотично, они способны «регулировать» смысловыми нюансами высказывания. В составном компоненте *-ома* произошло объединение назван-

⁵ Краткий этимологический словарь коми языка. / авт.-сост. В.И. Лыткин, Е.С. Гуляев. Москва : Наука, 1970. С. 127.

ных выше показателей, но семантика конечного форманта, так называемого наречного суффикса *-а* «как, каким образом», стала превалировать над значением «какой» показателя *-õм*.

Послелог коста «во время» в нердвинском диалекте

В коми-пермяцком языке для выражения временных отношений употребляется послелог *коста* «во время». Это служебное слово в устной речи может сочетаться даже с деепричастиями. В исследуемом диалекте данный послелог знает еще одну грамматическую форму *ко·стикõ*. Приведем примеры: *жар коста йур ылын, мый, кус'и-нкаэс но·йлимõ* «во время жары на голове, что, косинки носили»; *война·костикõ вõ-ли сэ·тиитиõм д'эви-з* «во время войны был такой девиз». Непривычная грамматическая форма *ко·стикõ* «во время» неслучайно имеет в своем составе компонент, похожий на деепричастный суффикс *-икõ*. Послеложное сочетание с компонентом *коста* «во время» в контексте будет зависеть от глагольных форм, точно так же как и деепричастия с суффиксом *-икõ* (орф. лит. *-ikõ*), в обоих случаях им будет уместен вопрос *когда*, а в предложении они будут обстоятельствами времени.

Таким образом, на примере анализа двух одиночных послелогов мы попытались показать, что они – одиночные послелогии – отнюдь таковыми не являются; они стремятся иметь в своем составе компоненты (в наших случаях – суффиксы), сближающие их семантически и грамматически со знаменательными частями речи. Данные процессы не являются исключительным признаком нердвинского диалекта, наличие дополнительных грамматических форм свойственно большинству диалектов коми-пермяцкого языка; материалы названного диалекта лишь подтверждают общность процессов, характерных для современной коми-пермяцкой диалектологии.

Предлоги в речи носителей нердвинского диалекта

Предлог, как служебная часть речи русского языка, отсутствующая в грамматике коми-пермяцкого языка, коми-пермяками осваивается довольно сложно. Непривычная лексико-грамматическая форма при разговоре на русском языке вызывает затруднения как в семантическом плане, так и при соблюдении правил в глагольном управлении.

Тем не менее использование русских предлогов в устной речи при разговоре на родном языке не является новым явлением. Подобные формы заимствований приводятся в упомянутой выше работе В.И. Лыткина «Диалектологическая хрестоматия по пермским языкам»⁶. Иноязычная лексема включается в речевой оборот вместе с предлогом, сохраняя при этом чужую грамматическую форму.

⁶ Лыткин В.И. Диалектологическая хрестоматия по пермским языкам. Москва, 1955.

В научной литературе никаких комментариев по поводу предложных конструкций в речи коми-пермяков не было. Попытаемся на материале нердвинского диалекта обозначить наиболее интересные моменты.

Во-первых, при разговоре на родном языке отмечается довольно частое употребление русских предлогов. Их семантике вполне могли бы соответствовать исконные послелоговые или падежные формы. Во-вторых, использованный в речи предлог «тянет» за собой всю цепочку необходимых грамматических форм: наличие в знаменательном слове грамматического значения числа, падежа, рода.

В данном аспекте можно продемонстрировать довольно много примеров, приведем лишь некоторые из них: *на по-л'э, по-л'эыс вы-л'ё* эд му-н'ё, *сэ-ччин луни-ёри-ка* «на поле, на поле не ходите, там Полудница»; *штоб до до-ма, штоб го-рт'одз ва-йны* «чтоб до дома, чтоб до дома донести»; *ло-кти мэ кыт'ё-нк'ё, на-т'т'ё, ну, мо-жэт к с'эн'т'а-быр' и-л'и окт'а-быр'* «приехала я где-то, наверное, ну, может к сентябрю или октябрю»; *а ко фрола-м ми-ан с'о, в'ё-ли вил' бра-жно* «а к Фролам (религиозный праздник) у нас всё, было новое (свежего урожая) бражно (смесь овсяной муки с солодом. — А.Л.)»; *к'от' мымда-ё-кты бэз д'э-лу-ту* «хоть сколько собирай без дела-то»; *с'о чэ-рээ мы-р-то чапка-л'ё* «всё через пень-то раскидывает; *сэ-кс'ин' до крещэ-н'ийа* «с того времени до Крещения»; *си-а за куды-мкар-ом, йо-гва-ыс* «она за Кудымкаром, Ёгва-то»; *л'э-дзан чэ-рээ мйасору-нку* «пропустишь через мясорубку» и др.

Первые два примера демонстрируют параллельное употребление предложного сочетания и послеложного выражения. То есть в потоке речи в одной и той же смысловой фразе появляются обе грамматические формы: заимствованная и исконная. По всем аспектам они равнозначны. Носитель дублирует русскую форму исконным грамматическим вариантом. Выражения с коми-пермяцкой грамматической формой демонстрируют классический способ адаптации иноязычного слова к грамматике языка-реципиента. Однако эта ситуация начинает разрушаться: более привычным вариантом становится иноязычное предложное выражение.

Обращаем внимание на то, что чаще всего предлоги сохраняются и выступают в речи вместе с заимствованным словом, и лишь в одном сочетании *чэ-рээ мы-р-то* «через пень-то» русский предлог примыкает к исконному слову. К сожалению, подобных примеров — русский предлог + исконное слово — в нашем распоряжении больше нет.

Очень редко из ожидаемых грамматических форм бывают исключения. Так, в выражении *к с'эн'т'а-быр'* (вм. ожидаемого *к с'эн'т'а-бр'у*) «к сентябрю» знаменательное слово оформлено в именительном падеже; именно такая грамматическая форма должна была бы быть, если бы носительница диалекта использовала подходящий по смыслу исконный послелог вместо русского предлога: *с'эн'т'а-быр' кэж'ё* «к сентябрю». На грамматическую форму *к с'эн'т'а-быр'* «к сентябрю» могла повлиять фонетическая составляющая слова: звуко сочетание *бр'* для положения конца слова нехарактерно для

коми-пермяцкого языка, поэтому наблюдается его орфоэпическая адаптация *бр' > быр'*: *к с'эн'т'а·быр' и·л'и окт'а·быр'* «к сентябрю или октябрю»; и к уже привычной для произношения форме добавление окончания -у (орф. -ю) было бы еще более сложным вариантом. К тому же в коми языках звук [у] в положении конца многосложного слова практически не употребляется.

Зафиксированный пример *с'о чэ·рээ мы·р-то чапка·лӧ* «всё через пень-то раскидывает» показывает, что русские предлоги в нердвинском диалекте начинают «контактировать» и с коми-пермяцкими лексемами. Считаем, что тенденция сочетания русского предлога и исконного слова положена, и при последующих полевых сборах этих примеров, возможно, будет больше.

Анализируя интересующую служебную часть речи русского языка, можно утверждать, что в разговорную речь включаются, как правило, предлоги времени, места, образа действия. Они «вытесняют» равнозначные в смысловом плане исконные послелогов, в одном примере «пострадал» лишительный падеж: *бӧз д'э·лу-ту* *вм. ожидаемого д'э·лотӧг* «без дела-то».

Заключение

Таким образом, в нердвинском диалекте коми-пермяцкого языка наблюдается активный процесс перехода серийного послелога с основой на *выл-* в падежные форманты. Это единое состояние, характерное для всех коми-пермяцких диалектов, но протекающее довольно неравномерно.

Ряд одиночных послелогов имеют в своем составе дополнительные морфологические маркеры, которые в структурном и семантическом плане сближают их со словообразовательными процессами знаменательных частей речи. Эти процессы также характерны для большинства диалектов, но в научной литературе по этому поводу практически ничего не отмечено. Считаем, что эти маркеры отнюдь не случайны: с их появлением происходит своеобразная редупликация общего значения служебного слова. Необходим более широкий материал, чтобы можно было утверждать, что это явление характерно для всех коми-пермяцких диалектов.

Длительная территориальная близость с русскоговорящим населением и активные социальные контакты с ним приводят к заметным изменениям на уровне грамматики: в диалекте активно используются русские предлоги вместо ожидаемых исконных послелогов или соответствующих падежных форм. Иноязычные служебные слова включаются в поток речи целыми конструкциями: русский предлог + знаменательное слово (как правило, русское) в необходимой грамматической форме. Очень редко предлог «пристраивается» к исконным словам.

Данную ситуацию нельзя связывать с лексическим процессом заимствования: эти лексемы в речевом обороте коми-пермяков используются не одно столетие. Полагаем, что подобное явление возникает в силу активного использования в обычной жизни русского языка: в социально-бытовых условиях, в семье, на работе приоритеты отдаются русскому языку.

Тем не менее сочетание в устной речи как исконных форм, так и активно включающихся в нее чужих элементов — реальная картина современного состояния нердвинского диалекта коми-пермяцкого языка.

Список литературы

1. *Баталова Р.М.* Рукописные словари коми-пермяцкого языка XVIII — первой половины XIX веков // Вопросы финно-угорского языкознания. Вып. 3. Москва, 1965. С. 110–121.
2. *Баталова Р.М.* Коми-пермяцкая диалектология. Москва : Наука, 1975.
3. *Баталова Р.М.* Ареальные исследования по восточным финно-угорским языкам (коми языки). Москва : Наука, 1982.
4. *Баталова Р.М.* Диалектная система коми-пермяцкого языка и ее развитие в сравнительном и ареальном освещении : научный доклад, представленный в качестве диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук. Москва, 1998.
5. *Сажина С.А.* Фонетические маркеры нердвинского диалекта коми-пермяцкого языка // Пермистика 20: диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками : сборник научных статей / УдмФИЦ УрО РАН. Ижевск, 2025. С. 233–239. EDN: ZLOWPD
6. *Сажина С.А.* Морфологические особенности нердвинского диалекта коми-пермяцкого языка // Пермские языки в полиэтническом пространстве: история и современное состояние : труды Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН. Вып. XX. Сыктывкар, 2025. С. 178–199. EDN: NHRAGN
7. *Лобанова А.С.* Отражение коми-пермяцкого языка в русских говорах Коми-Пермяцкого округа // Русская речь Коми-Пермяцкого округа : хрестоматия. Пермь, 2013. С. 24–35.
8. *Некрасова Г.А.* Категория падежа имени существительного в пермских языках. Сыктывкар, 2023. <https://doi.org/10.19110/978-5-89606-638-5> ISBN: 978-5-89606-638-5 EDN: XLAENZ

Сведения об авторах:

Лобанова Алевтина Степановна — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Пермского федерального исследовательского центра УрО РАН, Российская Федерация, Пермский край, г. Пермь, 614990, ул. Ленина, д. 13А. eLibrary SPIN-код: 9164-8696; ORCID: 0009-0002-1488-4727. E-mail: lobanova@pspu.ru

Михайлова Анастасия Владимировна — старший преподаватель кафедры романо-германских языков и межкультурной коммуникации Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета; Российская Федерация, 614000, г. Пермь, ул. Сибирская, д. 24. eLibrary SPIN-код: 4412-1700; ORCID: 0009-0003-5677-5710. E-mail: lobanova.a93@yandex.ru